

А.Ф. Платонова

Христос воскрес!

"Бог умер! Бог пребывает мертвым! Нет Бога!"

Растут и сгущаются холодные могильные сумерки; какой-то непроницаемый туман висит над тоскующей землей. Незримо, но ощутительно близко реют над ней тайные темные силы, ведут вечную брань с Агнцем.

Горе колеблющимся и сомневающимся в эти дни! Горе тем, у кого светильники гаснут, и сон готов сомкнуть отяжелевшие очи!

Тайна беззаконий деется кругом нас. Со всех сторон подымается тьма и готова поглотить нашу святыню и нас самих. Дикие безумные вопли потрясают мир: "Нет Бога! Бог умер! Разве вы не слышите, как стучит заступ могильщиков, погребаяющих Бога? Забудьте же о Нем! Не держитесь так рабски за Его "тьму", освободитесь от предрассудков, будьте сами, как боги!"

В то же время в самых центрах культуры, в очагах просвещения, в городах с миллионным населением идет подпольная работа, упорная и ожесточенная, работа "тайных" обществ, вся направленная против Христа. Под покровом надвигающейся ночи совещаются слепые вожди слепых с жалкими предателями Иисуса, как убить Ненавистного им, только не открыто, "чтобы не произошло возмущения в народе", а медленным, но верным путем. Долгие годы понадобятся им для выполнения их адских замыслов... Но они на все готовы. Они верят в свою победу, они напрягают все свои силы, вдохновляемые неведомой, может быть, и им самим темной могучей силой.

"Надо вытравить из сердец людей самое воспоминание о Распятом и будто бы Воскресшем! Надо упорно молчать о Нем: Его нет. Молчите о Нем детям. Молчите больным, униженным и оскорбленным! Молчите о Нем в судах, в больницах, в школах! Не произносите имени Иисуса! Самый крест прячьте от глаз людей! Сейте равнодушие к вере!"

И вместе с этим равнодушием сеется ужас, невероятная тоска, безграничное отчаяние.

Нет Бога! Нет Христа! Тогда нет разума, смысла и во всей мировой истории и в маленькой, частной жизни каждого отдельного человека.

Жизнь без Бога - безумная вакханалия страстей, дерзкая и бесплодная попытка построить башню до небес. Конец один - сумасшествие и смерть... Даже знание без Бога только умножает скорбь, только увеличивает страдание духа и погружает его еще в больший хаос.

И нет конца, нет исхода этой муке.

О, как понятны становятся в этот миг невыразимые страдания апостолов в те дни, когда на их глазах Сама Правда, Сама Любовь была поругана, Сам Бог угас на кресте, когда своими руками погребли они Его в саду Иосифа Аримафейского!

Можно представить себе тот ужас, какой они переживали. Они надеялись, что их Учитель - Тот, Которому надлежало придти! Они думали, что это Мессия... И вот Он во гробе... Он казнен самой позорной казнью! Израненный, измученный, Он умер на кресте! Он был праведник, пророк, сильный в деле и слове, пред Богом и всем народом, но увы! только пророк, а не Мессия, Избавитель, Утеха Израиля! Солнце померкло, земля затряслась, камни распались, гроба раскрылись, и завеса в храме разодралась надвое, когда Он испустил дух... Люди бежали с Голгофы в ужасе и отчаянии, бия себя в грудь... Но все-таки Он умер! Он во гробе, гроб завален камнем, и к камню приложена печать.

Так горько и жестоко обмануться! Да, это, действительно, была трагедия, страдание невероятное!

Погребсти возлюбленного Учителя, несправедливо осужденного, жертву людской злобы, слепоты и неблагодарности, это была одна мука; другая, несравненно более глубокая и невыносимая, - погребсти вместе с Ним святыню своей души, свою веру, свои чаяния!

Как близки, родственны эти страдания робкому, сомневающемуся сердцу современного христианина, когда злоба и дерзость врагов Христовых, по-видимому, опять торжествуют, когда от этого сердца хотят отнять Иисуса!

Вечный мрак готов полонить вашу душу, скорбящие последователи Распятого.

Но чу! прислушайтесь: что это? Торжественный могучий удар колокола пронесся вдруг в тишине свежей весенней ночи... И от этого удара словно встрепенулась земля, от этого удара вздрогнуло и ваше измученное сердце. Это удар к полунощнице, великой, пасхальной полунощнице.

Смотрите: тысячи, сонмы их, еще не поклонившихся Ваалу, не воздвигавших храма Разуму, простых сердцем, близких ко Христу!..

Они все, смиренные, радостные, верующие, с раскрытыми глазами и раскрытым сердцем, чтобы принять откровение великой Тайны, идут в эту ночь в сияющие огнями храмы Бога Живого, идут в светлых одеждах, сами сияющие первыми отблесками падающей на них зари наступающего дивного дня.

Туда! Вместе с ними! К этим огням!

И вот вы уже там, в храме... Вы стоите "на страже", как ветхозаветный пророк, и сердце ваше замирает предчувствием чего-то близкого и несказанно великого.

Еще плащаница посреди церкви, еще надгробное пение над Божественным Мертвецом, еще ожидание - общее напряженное ожидание и человека и всей природы, общий томительный вздох, как на литургии Великой субботы:

"Воскресни Боже!"

"Время действовати Богу, яко разорен закон Твой!"

И вот ликующее ангельское пение доносится до вашего слуха, знакомый с детства, близкий и родной вам напев! И от одного этого напева не хочется ли вам воскликнуть вместе с отчаявшимся в жизни Гетевским Фаустом:

О, звуки чудные! Гремите: я внимаю!

Рыдания грудь теснят... Я снова в жизнь вступаю!

Все ближе, ближе, и наконец победная песня воскресная раздаётся за дверьми храма! Еще несколько минут, - знаменем креста разверзается эта дверь, и, как ничем не удержимый, внезапно хлынувший весенний поток, вливается в храм волна непередаваемого восторга.

"Христос воскрес!" оглашает своды храма и потрясает до самых основ и небо, и землю, и ваше страдавшееся сердце.

- Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!

И это не сон, не вымысел, не греза, это - действительность, более очевидная, чем та, которую мы видим своими глазами!

Да, это - истина, как истина - то, что целых девятнадцать веков существует и растёт Христова Церковь, в основе которой лежит чудо Воскресения, как то, что девятнадцать веков по всему миру раздаётся радостная весть: Христос воскрес! Христос воскрес!

- Скажите мне, - спрашивал поэт, - отчего в эту ночь воздух так тепел и тих? Отчего в небе горят миллионы звезд, природа одевается радостью, отчего сердце у меня словно саднит от полноты нахлынувшего вдруг восторга, и я чувствую, что меня как будто уносит какой-то невидимой волной?

Оттого, что в эту ночь воскрес Христос!

Всего только два дня тому назад такая же ночь была преисполнена невыразимой скорби, и во всей природе, чуткой и печальной, словно звучал отголосок безмерной тоски и муки Богочеловека в саду Гефсиманском: "Душа Моя скорбит смертельно!" Потом наступила другая ночь: с рыданием погребли Иосиф и Никодим Тело возлюбленного Учителя и Бога своего, вся тварь "сострадаша Сотворшему вся", и тишина ночи на Великую Субботу была отражением того благоговейного изумления, в которое Голгофская Жертва повергла самый мир ангельский.

Недоумевали и небо и земля, созерцая гроб в саду Иосифа Аримафейского.

А сегодня... сегодня ночь - уже праздников праздник и торжество из торжеств: "воста Господь, веселие вечное! Христос воскрес!" Вечная, совершенная небесная радость сошла на землю и обняла ее усталую, обремененную грехом, напоенную кровью и слезами, покрыла и заставила забыть всякую муку.

Неумолкаемо поют ангелы Светлое Христово Воскресение, неумолкаемо по всей земле гудят пасхальные колокола, неумолкаемо звучат ликующие воскресные песнопения, в церквях совершается утренняя, "несравненная торжественная, светлоблистающая" пасхальная утренняя, и по всему миру раздаётся вдохновенное, каждый год произносимое и вечно новое, точно впервые слышимое нами слово Златоуста: „Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа? Воскрес Христос, и ты низвергся! Воскрес Христос, и пали демоны! Воскрес Христос, и радуются ангелы! Воскрес Христос, и жизнь царствует!"

Тревога, сомнение оставили ваше сердце; вся злоба врагов Христовых, которая еще так недавно устрашала вас, теперь кажется жалкой и ничтожной; ничего не видите вы перед собой, кроме торжества света, правды, любви, кроме победы Воскресшего Христа над всеми силами ада!

Некогда последняя попытка язычника погубить христианство закончилось страшным воплем: "Ты победил, Галилеянин!" Язычество пало, и на мраморных руинах древнего мира засиял новый свет! Галилеянин победил. Он победит и теперь... Всем существом своим вы чувствуете это и, вдохновленные, радостные, успокоенные, бестрепетно готовы смотреть в лицо самому князю тьмы!

Понятной становится в эту ночь пасхального благовеста, пасхальных приветствований и поцелуев апостольская заповедь: "Радуйтесь! И еще говорю: радуйтесь!"

В каком другом настроении может быть, в самом деле, человек, видевший чудо Христова Воскресения и поклонившийся Воскресшему? Какое зло, физическое или нравственное, может теперь испугать его? Какая скорбь не растет в лучах этой светозарной ночи?

Свет Пасхи, которым озарено даже трогательно-печальное богослужение страстной седмицы, есть отражение того света, который христианская религия проливает на всю жизнь человека.

Вот Великий Четверг. Сионская горница, прощальная беседа Христа с учениками. Всю силу предстоящих им испытаний и скорбей рисует Господь перед духовными очами Своих встревоженных учеников, но Он же обещает им и радость совершенную, Он же вливает мужество в их души, Он же дает им мир, какого Мир не даст им!

Тихим светом небесной радости озаряет христианство человеческую душу в самые тяжкие для нее минуты, и на утрени Великой Субботы, среди рыданий вокруг гроба, вместившего в себе Богочеловека, мы слышим уже предвестие близкого торжества поруганной истины:

"Не рыдай Мене, Мати, зряще во гроб... встану бо и прославлюся..."

Но эта радость, этот "пасхальный рай души человека", достигает своего высшего окровавления только в светлый день Христова Воскресения.

Мы как будто теряем ощущение времени.

Точно нет этих 2000 лет, которые отделяют нас от первой пасхальной ночи и первого воскресного дня! Как апостолы, слышим и мы приветствие Воскресшего: "Радуйтесь! Мир вам!" и чувствуем, ощущаем всем существом своим, что "без Иисусова: "радуйтесь" не было бы никогда радости и в нашем сердце, как в сердце апостолов; без Иисусова: "мир вам!" не распространился бы мир по лицу земли!"

Разве не оживают перед нами до мельчайших подробностей все события того благословенного дня?

Разве не видится нам эта синяя, синяя, священной тишины исполненная ночь? Темный сад. Стража у гроба. Потом... внезапное бегство этой стражи, полумертвой от ужаса. И опять тишина. Опять царство ночи.

И вот под покровом этой ночи, когда еще совсем темно, по пустым, узким улицам Иерусалима самоотверженные, безгранично любящие жены-мироносицы с разных концов идут к одной и той же дорогой для них гробнице - помазать тело Иисусово.

- Кто отвалит нам камень от двери гроба? - мелькает иногда в их уме тревожная мысль.

Мрак еще на улицах города. Мрак и скорбь у них на душе.

Эти жены - Мария Магдалина, Мария Иаковлева, Соломия, Иоанна и прочие с ними. Самая пламенная из них и преданная Господу, Мария Магдалина опережает подруг и первая прибегает ко гробу. Прибегает и видит: камень отвален от двери гроба, и гроб пуст.

Новая, ужасная мысль мелькает внезапно в ее уме: унесли тело Господа!

И не рассуждая больше, бежит она, пораженная, смущенная, возвестить об этом Петру и другим апостолам. На пути встречает других жен-мироносиц и им говорить о своей догадке. С этим же возгласом: "унесли Господа и не знаем, где положили Его!" вбегает она в горницу, где без сна, в глубочайшем унынии проводили эту ночь апостолы.

Уже светает, хотя солнца и не видно еще из-за Елеонской горы.

Встревоженные словами Марии, Петр и Иоанн тоже бегут ко гробу Иисуса. Обогнав своего спутника, Иоанн первый подбегает к пещере, заглядывает в гроб и останавливается в изумлении: гроб пуст! Более пылкий и стремительный Петр входит внутрь самого гроба - и видит одни пелены лежащая и сударь, который был на главе Иисуса, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте. За ним входит и апостол Иоанн...

Оба потом идут назад, исполненные предчувствия чего-то великого и непостижимого, что совершилось в эту ночь, и не знают они, что уже возвестил ангел другим мироносицам о совершившемся чуде минувшей ночи, что уже слышало человеческое ухо: "Христос воскрес!", что объятые ужасом и трепетом, жены уже спешили назад по проснувшимся улицам Иерусалима, никому ничего не говоря, потому что боялись. А Мария Магдалина, терзаемая скорбью, опять пришла ко гробу, стояла и плакала.

Как трогателен евангельский рассказ о явлении ей воскресшего Христа! Как трогателен, прост и понятен человеческому сердцу и этот момент, когда, вся уйдя в свое горе, она не поражается видом ангелов, беседующих с ней; когда не узнает стоящего перед ней Господа, принимая Его за садовника: "Господин, если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его?" И этот, наконец, момент, когда любящей и измученной души ее касается Божественный голос: "Мария!"

- Раввунни? - только и может крикнуть она.

"Откуда Он, как Он ожил, как вышел из гроба?" Ни о чем подобном не возникало в душе ее никакого вопроса; она вся объята была одним порывом живейшей благодарности, любви, радости, восторга и стремительно бросилась к Нему увериться, что это, действительно, Он, живой! Она устремилась ухватиться за Него руками, удержать Его, чтобы более никогда с Ним не разлучаться. Но Господь остановил, ее, говоря: "Не прикасайся ко Мне, ты не последний раз видишь Меня (толков. блаж. Иеронима), потому

что я еще не отхожу к Отцу Моему, а иди к братьям Моим и скажи им: Я восхожу (в скором времени) к Отцу Моему и Отцу вашему, к Богу Моему и Богу вашему".

Эта миссия сделала Марию Магдалину равноапостольной. Вся преображенная, сияющая неизреченной радостью "Боговидения", она пошла и возвестила ученикам и всем плачущим и рыдающим: "Христос воскрес из мертвых!" С той же вестью еще раньше нее пришли и другие жены, на пути увидевшие Христа и услышавшие от Него: "Радуйтесь!"

- И показались апостолам слова их пустыми, и не поверили им, - говорит евангелист.

Воскрес из мертвых! Разве можно было себе представить, можно было понять это и поверить этому? Столько пережили, перечувствовали апостолы за эти дни, что их души "не могли уже вместить в себе эту величайшую и радостнейшую новость!" Только, когда Симону Петру отдельно явился Господь, их сомнения поколебались. Загорелись сердца.

- Воистину воскрес Господь и явился Симону! - говорили они друг другу. А вечером пришли апостолы Лука и Клеопа... И из их уст та же необычайная, чудесная весть: воскрес Христос! Своими глазами они видели Его... Он шел рядом с ними, по дороге в Еммаус, изъяснял им Писание, они не узнали Его, только сердце их горело, когда Он говорил с ними... Потом, когда день стал склоняться к вечеру, они уговорили своего Спутника остаться с ними, возлегли за трапезу, и вдруг глаза их открылись, и они узнали Господа в преломлении хлеба!

То "горение сердца", которое испытывали Еммауские путники, беседа с неузнанным ими Христом, не было ли и общим состоянием других учеников в этот великий день, когда они боролись с сомнениями, изнемогали под тяжестью небывалых впечатлений и в то же время видели пустой гроб, сияющие лица мироносиц, слышали странные вести?

Совсем уже был вечер. Запершись в горнице, страха ради Иудейска, собрались апостолы, все, кроме Фомы, в дом Иоанна. И вот "дверем затворенным", Сам Господь стал посреди них и говорит им: "Мир вам!" Что почувствовали они, увидев Воскресшего, услышав Его голос? С раннего утра нетерпеливо ждали они этого явления, а теперь... пришли в смущение... испугались... недоумевали... им показалось, что они видят духа!

Но радость их должна была стать совершенной, такой радостью, какой никто никогда не мог бы отнять от них, которую они могли бы разнести по всему миру: чтоб убедить их, что Он не дух, Господь дает им, еще неверующим от радости и удивляющимся, новое доказательство Своего воскресения: он предлагает им осязать Его, рассмотреть, спрашивает у них пищи и вкушает ее перед ними.

Никаких сомнений не оставалось больше.

- Господь мой и Бог мой! - не один Фома, каждый из учеников Христовых восклицал это.

Все непостижимое и недоступное человеческому пониманию в христианстве и в личности Спасителя через воскресение Его сделалось как бы осязаемым, доступным человеческому созерцанию; все таинственное приблизилось к человеку, сделалось, и при непостижимости своей, очевидным, несомненным, неоспоримым, во что нельзя не верить, что невозможно отрицать.

Мудрено ли, что чудо Воскресения преобразило апостолов?

Полный переворот произошел тогда в их мирозерцании, и из малодушных, робких Галилейских рыбаков, иногда не понимавших самых простых выражений Своего Учителя и постыдно бежавших из Гефсимании, когда враги взяли Иисуса, они вдруг стали вдохновенными служителями Слова, с огненным рвением понесли по всему миру из Иерусалима радостную весть о Распятом и Воскресшем! А вслед за ними пошли и другие исповедники и мученики и, благовествуя евангелие, покоряли народы и царства к ногам Христа.

Вся жизнь человека преобразилась Воскресением Христовым, озарилась лучами вечности.

Всякий страх, даже страх перед смертью, должен был исчезнуть из человеческого сердца, потому что с тех пор, как раздалось на земле: "Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ", смерти нет больше, а есть одна нескончаемая блаженная жизнь, нескончаемое торжество на брачной вечери Агнца, есть одна неумолчно воспеваемая песнь: Христос воскрес!

Вечная жизнь! Как томились всегда по ней люди, с каким тяжелым, тревожным раздумьем останавливались они над тем моментом, когда исчезает мимолетное настоящее, поднимается завеса, и за ней начинается нескончаемое будущее, новое бытие!

Религия серьезнейшего из народов древности - египтян была вся вопросом о жизни, исполненной тайны.

С какой тревогой жизнерадостные греки останавливались перед "домом Гадеса", перед таинственной и мрачной областью, где осуждены блуждать души умерших!

С какой безумной тоской Рим бросался от одного культа к другому, от одной философии к другой, надеясь найти ответ на мучительные вопросы жизни, не разрешив которых, человек не может жить. И коренным из этих вопросов, конечно, является вопрос о бессмертии души и вечной жизни.

И вдруг чудная проповедь раздалась на Земле, проповедь о Христе воскресшем, Первенце из умерших. Завеса, закрывавшая от человеческой души "Святое святых", действительно, разодралась, смерть перестала быть смертью и сделалась ступенью в новую область бытия, в "Чертог украшенный".

Удивительно ли, что лица людей, слышавших эту проповедь и убедившихся в ее истинности, сияли в моменты самых тяжелых страданий, как лица ангелов, и смерть не пугала, а радовала их.

Помните вы, как вдохновенно писал апостол уже на закате своей славной многотрудной жизни: "Жизнь для меня Христос, и смерть - приобретение!" Помните, как бесстрашно шли юные девы навстречу смерти: "я к Господу иду, ко Христу, Жениху моему!"

Как дивное видение, как живая проповедь о другом, высшем мире, проходили эти Агнцы и Агницы Христовы среди умиравшего в безобразных конвульсиях языческого мира и покоряли Христу самых ярых Его врагов.

Полное отсутствие страха перед смертью и радость совершенная - вот настроение действительно верующего, искреннего христианина.

Вспоминается дивный, сравнительно, еще так недавно живший в наших родных лесах, святой старец Серафим Саровский.

Какой это был носитель, "радости совершенной", потому что был воистину христианин! Кажется, вековые Саровские леса постоянно праздновали вокруг его "пустыньки" Воскресения день, потому что постоянно у него самого на душе была Пасха!

Вот в хмурый дождливый осенний день приходит к нему какой-нибудь удрученный скорбью, озлобленный жизнью или терзаемый сомнениями человек. А старец кланяется ему до земли, потом, как брату, раскрывает свои объятия: "Радость моя, Христос воскрес!" И вдруг, точно сама природа изменилась кругом, точно преобразился осенний день в светлый, пасхальный, точно "красный звон" вдруг раздался над землей, и на душе прояснилось, повяло на нее весной, радостью воскресения. Это ли не лучшая проповедь о Воскресшем? И такая проповедь - миссия каждого верующего, особенно в наше тоскливое, серое, скучное и скорбное время. Ни наука, ни искусство, никакие земные удовольствия не в силах дать покой и счастье человеческой душе, если они оторваны от Бога, не озарены светом воскресного дня.

У нас обычно праздник проходит и кончается в храме, и уж почти не переходит за пределы первого дня. Вот этот день угасает, вот вечерний звон замер уже в голубоватых сумерках, косые лучи солнца готовы уйти из наших окон, и с ними готова уйти первая свежесть праздничного настроения и волнения. В сердце закрадывается невольная грусть. Эта грусть, которая чувствуется уже в первый день праздника, особенно ощутительна становится в "отдание Пасхи": хотелось бы никогда не расставаться с пасхальными песнопениями, пасхальным торжеством, не хотелось бы возвращаться к будням.

Но не в том ли и смысл христианской жизни, чтобы сохранить и в будничной атмосфере это пасхальное настроение, чтобы продолжать и за дверьми храма пасхальное богослужение?

Быть всегда светлым, радостным... Да разве это возможно? Это может показаться насмешкой современному человеку, но не потому ли, что утрачена им живая связь со Христом, и не прочувствован им праздник Воскресения? А вот что говорит близкий русскому сердцу старец Зосима в романе Достоевского "Братья Карамазовы": "Други мои! просите у Бога веселья! Будьте веселы, как дети!" Будьте, другими словами, исполнены всегда радости, которую принес на землю Христос!

Обрадованные сами, идите радовать других, обнимайте весь мир своей любовью.

Но на земле столько зла, столько греха?

"Не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его! Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку! Каждый листик, каждый луч Божий любите!" Эта всеобъемлющая любовь так понятна и естественна у празднующих воскресения день! В первые века христианства день солнца, день Господень, всякий воскресный день и, особенно, день Пасхи ознаменовывался устройением вечери любви. У нас, в древней Руси, в этот день сами цари и царицы шли в тюрьмы, богадельни, больницы с пасхальным приветствием, с ласковым словом, со щедрою милостыней.

В моменты ощущения в себе высшей духовной радости человеческое сердце стремится перелить ее на все окружающее. Хочется вокруг себя видеть такую же радость.

Если у нас нет этой святой потребности, если мы в день Пасхи можем спокойно видеть слезы, которые льются кругом нас, часто по нашей вине или по нашему равнодушию, значить, мы обольщаем себя, думая, что будто и мы видели Христово воскресение и в глубине своей души слышали: "Радуйтесь!"

Любовь христианская, живая, деятельная, неиссякающая, вот оно - знамя, которое должно быть поднято человеком, вместе со Христом восставшим из гроба.

Перед этим знаменем преклонится гордый самообожаящийся ум, смирится ожесточенное сердце, замолкнут уста неверующих!

"Смотрите, как они любят друг друга!" - говорили между собой язычники, видя любовь христиан, и эта любовь открывала им дверь к познанию самого Источника Любви.

Человек, во имя Христа отдающий душу свою за ближнего, это тоже проповедь о Воскресшем.

И все равно, проявится ли эта любовь в подвиге св. Юлиана, обнимавшего прокаженного и согретшего его своим собственным телом; в подвиге ли какого-нибудь миссионера, идущего на проповедь в глухую тайгу Сибири, или в маленьких, скромных подвигах неизвестных тружеников и строителей жизни - священника, учителя, врача, матери, сестры и т. д., даже человека без всякого звания и определенного положения, который не знает сегодня, что будет делать завтра, но знает только, что и сегодня и завтра будет любить, утешать, согревать всех вокруг сиянием своей чистой, любящей души, обрадованной единением с Христом воскресшим.

Только именно воскреснуть надо душой и потом до конца жизни не знать другого дела, кроме проповеди о Воскресении всем недугующим и страждущим! А их много в наш век.

Тоской по Боге, может быть, бессознательной, но ничем не утолимой, изнывает современный человек. Мучительно ищет он новых путей к счастью и истине... Как поэт, стоящий с закрытыми глазами над горным однообразно шумящим потоком и простирающий руки к обманчивым грезам, простирает и он руки к неуловимым призракам... Полный разлад с жизнью, с самим собой приводит его к самоубийству... Даже те, кто еще не познал жизни, с ужасом отворачиваются от нее и бросаются в бездну "небытия"... Преступность и психическое расстройство - обычное явление наших дней.

Где же апостолы Христовы, где жены-мироносицы, вносящие радость неумирающую в это царство скорби? Есть они, но мало их! Выходите же на подвиг веры все, называющие себя последователями Распятого и Воскресшего, зажгите светильники ваши, высоко поднимите сияющий крест и словом и делом зовите к нему измученных братьев: "Христос воскрес из мертвых! Приидите, все приидите и поклонитесь Святому Его Воскресению". Дети, маленькие, невинные дети, так доверчиво протягивающие Христу свои ручки и раскрывающие свое сердечко, придите, поклонитесь Ему! Пусть ваши чистые голоса сольются в пасхальном гимне с голосами ангелов, пойте воскресную песнь, чтоб потом петь ее и там, где будет скорбь и страдание!

Девы и юноши, готовые вступить в жизнь на борьбу и подвиг придите сначала, поклонитесь Распятому и Воскресшему, и унесите в своей душе Его: "Радуйтесь!" в самую пучину бушующего житейского моря!

Мужи, в полном расцвете сил физических и духовных, проходящие поприще жизни, поклонитесь Кресту Господню, воскликните с верой! "Господь мой и Бог мой!" - жизнь, которую вы созидаете, создастся для вечности!

Жены, по-прежнему любящие и плачущие по Христу, поклонитесь, Ему, Воскресшему, вместо мира, несите Ему песни хвалы, несите Ему свое сердце, приводите к нему своих мужей, братьев и детей!

Старость, уже стоящая на краю могилы, приди и ты поклонись Воскресению Христову, его благодатные лучи озарят тебя тихим сиянием и уничтожат страх смерти!

Святые и грешники, мудрецы и невежды, святители, художники и поэты, владыки земные и рабы, богатые и нищие, здоровые и больные, счастливые и удрученные скорбью, все придите поклониться Христу! Пусть сокровенные струны, лучшие струны ваших душ отзовутся на дивную симфонию, какую приносит Воскресшему вся вселенная!

Жаждающие, приходите пить из неиссякаемого источника жизни и радости! Умиряющие, слушайте победную, пасхальную песнь!

"Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ!"